

ДРАКОНИЙ ЛЕКАРЬ

Жанр произведения: Фантастика

Произведение написал автор BookBox Софья Волошина

Ссылка на публикацию

Наёмник

– Драконы?! Детей корми этими сказками! – Руам в сердцах сплюнул себе под ноги и пошёл прочь от торговца целебными снадобьями. Он хотел купить настоя, затворяющего кровь, но ушлый торгаш попытался подсунуть «чудодейственный

эликсир из костей дракона». Тьфу! Даже дети знают, что драконов, колдунов и прочего волшебства нет и никогда не было! Следовало бы хорошенько поколотить мошенника, продававшего разболтанную в воде костяную муку под видом чудодейственного зелья, чтоб впредь не обманывал честных людей. Но Руаму не было дела до других. Пусть себе: если кто и купит «волшебный эликсир», то разве что распоследний дурак. А дураков учить надо. На торгу было шумно и многолюдно: где-то купцы зазывали в свои лавки, изо всех сил стараясь перекричать соседей, где-то шумно торговались, сбивая цену. В толпе шныряли шустрые мальчишки-карманники, так и норовившие срезать поясной кошель с деньгами незадачливого зеваки. Руаму не было дела ни до шума, ни до нахальных мальчишек – он осматривался. Сегодня на торгу должен появиться сам Ходжур-ака. То тут, то там уже стояли его охранники, вырядившиеся бедными простаками. Вдали послышался шум – и Руам подобрался, словно хищник, учуявший добычу. Народ расступился, давая дорогу Ходжуру-ака и его свите. Вскоре стало видно и самого богача – пояс звенел от нашитых на него металлических блях, а в перстнях играло солнце. Руам поплотнее запахнул плащ, пряча ножи, и принялся вертеть головой, изображая зеваку. Ходжур-ака ещё шёл, щурился от солнца и прикрикивал на слуг, но на самом деле был уже мёртв. Потому что тот, на кого нацелился Руам, не мог спастись. Когда процессия поравнялась с наёмником, он, не теряя ни мгновения, незаметно выхватил клинок. Сделал вид, что случайно оступился и стал падать вперёд. Охранники тут же обступили своего господина, но было уже поздно – из его бока торчала рукоять кинжала. Пока они пытались помочь Ходжуру-ака, Руама уж и след простыл. Дело было сделано: даже если лекарь сможет исцелить такую рану, то уж с ядом не справится никто, будь он хоть трижды кудесник. Но вдруг наёмник подобрался, как дикий зверь, почуял опасность – его преследовали. Видно, один из охранников. И правда, за ним следовал улуандец – чёрная, как смоль, кожа и по-звериному изящные движения выдавали сына этого могучего племени. Руам выругался: как он мог сразу не заметить такого сильного и опасного врага? У самого уха свистнул пущенный чернокожим воином небольшой нож. Лезвие скользнуло по щеке, отворяя кровь – боль кольнула раскалённой иглой, а за шиворот потекли вязкие капли. Руам нырнул в подворотню и припустил с особой прытью. Улуандец поотстал, а потом вовсе исчез – видно, врут в народе, что они отличные воины. Но спустя время наёмник и сам почувствовал, как кровь зашумела в ушах. Он остановился, чтобы отдышаться, но шум всё усиливался, а в голове гудело, как от вина. Не простой был ножик… Руам вспомнил, что говорили об улуандцах; те жалили, как степные гадюки. От яда, в который они окунали свои кинжалы, не было противоядия. Кто был ужален – тот долго не протянет. Руам схватился за щеку. Он промыл рану водой, выпил настой печаль-травы, чистившей кровь даже от змеиного яда. Но дурнота не уходила, лишь накатывала новыми волнами. Наёмник уже пожалел,

что не купил чудодейственное снадобье у торговца – а вдруг бы оказалось настоящим. Ноги перестали слушаться, а тело охватила злая горячка. Руам опёрся было о стену да так и рухнул, где стоял. «Прости, сестрица, подвёл я тебя!» – успел подумать он. *** За спиной стояла тень в черных одеждах. У неё было прекрасное женское лицо, столь белоснежное, какого никогда не бывает у живых. Руам не оборачивался, но знал это. – Иди… – шептала она. – Иди со мной. Оставь горе и боль. Иди к покою. Пустота ждёт тебя. Вдруг перед Руамом прямо из воздуха возник дракон. Некогда прекрасный ящер был слаб и стар – морду и лапы покрывали уродливые язвы, а суставы огромных перепончатых крыльев оголились. – С-снова ты? – удивленно прошипела женщина. – Люди убили твою родню и ис-с-скалечили тебя, а ты всё равно воюешь со мной из-за них. Ты глупец-с-с! Белая холодная лапа легла на плечо Руама, от неё по всему телу стал расползаться холод и покой. Дракон выгнул шею, отгоняя женщину. – Прочь! Я клялся Богам Сарголы, что не откажу в помощи нуждающемуся в ней! Этот человек упал на моём пороге! – Боги покинули этот мир, когда люди уничтожили твой род! Глупец-с-с! Что ж, сейчас я уйду… На время, чтобы вскоре вернутся. Я з-з-заберу этого человечиш-ш-шку, я з-з-заберу и тебя, и каждого в том мире, как з-з-забрала твой род! Гостья дохнула холодом и исчезла. Вместе с ней исчез и дракон. *** В нос ударила омерзительная вонь. Даже пролежавшая весь день на жаре рыба не смогла бы так смердеть. Руам дернул головой и попытался распахнуть глаза, но тут же закрыл их – свет обжигал. Чьи-то руки наложили на его веки повязку. – Не шевелись, – прошелестел стариковский голос. – И не пытайся сбросить повязку. Руам подчинился, но не мог понять, где он и что с ним произошло. Последнее, что он помнил это то, как он вонзил кинжал в бок Ходжура-аки. Небытие навалилось, не дав времени вспомнить. Наёмник несколько раз вновь возвращался в сознание, но тело не желало слушаться. Оно лежало камнем, словно чужое. Ноги и руки будто не принадлежали Руаму. Несколько раз незнакомый старик, ухаживающий за раненным, вливал ему в рот какую-то жидкость с отвратительным запахом, от которой тяжелела голова. Спустя время Руам понял, что может двигаться. Он пошевелил рукой и даже стащил с глаз повязку и увидел низкий деревянный потолок. Маленькое оконце не пропускало много света. Наёмник попытался подняться, но не смог – стоило ему присесть, как перед глазами всё поплыло. Чьи-то руки заботливо придержали бессильное тело, и уже знакомый стариковский голос проскрипел: – Не вставай. Ещё рано. Старик в плаще подложил ему под спину скатанное одеяло и принёс жидкую похлёбку из каких-то кореньев. – Ешь. От похлёбки, приятной на вкус, стало чуть легче. Снова захотелось встать, но старик вновь остановил его. – Рано ещё. Яд коварен – отступит смерть, а человек уж рад. А потом возьмет да ослепнет. Или ноги отнимутся. – Спасибо, старик, за заботу, но меня сестра ждёт, – хрипло проговорил Руам. – Лечи уж скорее. Знай, в долгу не останусь. Золотом не осыплю, но серебро в карманах водится. – Не нужно мне

твоего золота и серебра, – рассмеялся старик. – Бусы сестрице купи. Придёт время – и у тебя найдётся чем отплатить. А теперь спи… Старик зашептал заклинание, и Руам провалился в тёмную, без снов, дремоту.

Проклятие

В огромных, удивленно распахнутых детских глазах отражались цветы, открывшиеся навстречу солнцу. – Как красиво! – произнесла Талаг. Алим заулыбался – это было его любимое место, и мальчик давно мечтал показать его кому-нибудь. Степь, до самого горизонта разукрашенная яркими россыпями цветов, жила и благоухала, а над нею носился проказник-ветер, ласково шевелящий травы. – Я часто тут бываю! – гордо произнес мальчик. Талаг потупила взор. – Отец не разрешает мне покидать дом… – малышка грустно кивнула в сторону возвышающихся вдалеке гор. – Дома так скучно – кусты на голых скалах. А здесь всё цветёт. Но говорят, тут видели людей. Они такие страшные… – Нет! – вдруг резко оборвал её Алим. – Люди – хорошие! Моя мать была человеком. Она была добра ко мне и пела прекрасные песни. Не было рук ласковее, чем руки матери! Талаг вскинула драконью морду, жёлтые глаза ещё больше округлились от изумления. – Так ты полукровка? А я думала, что ты принимаешь человеческий облик ради забавы… – пробормотала она. – Но ведь папа рассказывал, что у людей есть луки и стрелы, которые больно жалят. И острые палки из стали, и когти – тоже стальные. – А мне мама рассказывала, – начал Алим тихо, – что мой отец пригрозил разорить их деревню. Им не помогли ни стальные «когти», ни «палки» – люди называют их ножами и мечами. Тогда старейшина деревни отдал ему мать, как откуп… Талаг удивлённо хлопнула ресницами: – И что твоя мама? – А мама полюбила отца. Родная семья отказалась от неё, отдав, словно рабыню. А в новом доме она была счастлива. Много улыбалась и смеялась, отец любил её без памяти. – Была? – вновь изумилась Талаг. – Она… вернулась в родную деревню? – Уже два года, как её нет с нами, – проговорил Алим, глядя в землю. – Мама долго болела, и ни один лекарь не мог ей помочь… Юная драконица потупила взгляд, стыдясь своего любопытства. – С тех пор я решил! – твердо произнес мальчик. – Ровно через год я пойду в ученики к травнику, а когда пройду Обряд и обрету право называться мужчиной, то стану изучать магию. Так я научусь исцелять, и тогда ни человек, ни дракон больше не умрут от болезней! Талаг восхищённо уставилась на друга. – Ты очень-очень хорошо придумал! – радостно сказала она. – И я тоже так хочу! – но потом погрустнела: – Но я не смогу. Я должна буду выйти замуж, стать хранительницей очага и во всем быть покорной супругу! Алим и Талаг ненадолго замолчали, но потом малышка вмиг повеселела и провозгласила: – Я придумала! Если я выйду замуж за тебя, то я буду следовать за тобой. Тогда мы вместе сможем исцелять их всех! Мальчик покраснел – юная драконица ещё не понимала, что значит

замужество. Но наивные детские глаза сияли таким восторгом, что он не смог не пообещать: – Хорошо! Мы обязательно поженимся. С запада повеяло холодом и влагой: оттуда наползала огромная, словно скала, туча. Надвигалась гроза. Алим тотчас обратился драконом и строго сказал маленькой Талаг: – Надо возвращаться – надвигается гроза. Даже наши отцы боятся небесного огня и не летают в непогоду! *** Древний зал Властителей помнил ещё первых Правителей рода. С годами затейливая резьба на камнях кое-где искрошилась, а где-то забилась копотью. Камень уже давно потерял свой истинный белый цвет, став серым. Но, даже несмотря на это, зал сохранял своё величие. В чашах, расставленных вдоль стен, пылал Истинный Огонь. Его отблески озаряли лица Правителя и собравшихся Наместников. Сегодня они собрались здесь, чтобы вершить суд. – Почему ты хотел отравить нас? – строго спросил Правитель Алима, мага, стоящего перед ним. – Да будут мне свидетелями все Боги Сарголы, я никогда не замышлял подобного! Я давал им клятву и верен ей! – маг выдержал взгляд пронзительных жёлтых глаз. – Но здесь замешано людское колдовство! Ты водишься с людьми, и твоя мать была человеком. Кто ещё мог приготовить яд? Чистокровным людям заказан вход на наши земли! – настаивал Правитель. – Я не виновен! – Алим также стоял на своём. – Посмотри мне в глаза! – потребовал Правитель. – Мой новорождённый сын и младшая дочь умирают в муках, а старший сын никогда не сможет летать. И это всё твоя вина, человек! Ты настоящее чудовище, раз ты можешь после такого спокойно смотреть мне в глаза! Маг скривился, словно от боли: – Я не виновен! Но разрешите помочь им… Я несколько лет учился магии и знахарству у людей, может быть, разберусь и с этим! – Нет! Подлый обманщик! Ты предал меня, а теперь хочешь закончить начатое. Я не верю тебе! – вскричал Правитель. Наместники зашептались, косясь на Алима. Но тот ни на миг не опустил взгляда. – Что ж, – вздохнул он. – Раз нет другого способа доказать свою невиновность, я готов вверить мою судьбу Богам. Им ведома правда, поэтому я верю – они заступятся за меня. Я требую Поединка! – Поединок?! – Правитель выгнул гибкую шею, и треугольная драконья голова, увенчанная гребнем, оказалась прямо перед лицом мага. – Как ты, жалкое человечье отродье, можешь вызывать меня на поединок? Боги, которым ты даже не вправе молиться, не дали тебе настоящих крыльев. После того, как ты вырос, то ни разу не смог подняться в небо. Ты жалок! – Я требую Поединка! – настаивал на своём Алим. – Нет! Ты виновен! Ты завидовал нам, поэтому и отравил наши колодцы! – встрял один из Наместников. Остальные лишь поддержали его. Правитель поднялся со своего места и провозгласил: – Это ты отравил воду! Мы все считаем тебя виновным, а, значит, ты будешь казнён завтра в полдень, когда Солнце, Великий Правитель Сарголы, будет взирать на нас с центра небес. Так состоялся суд. Правитель кликнул охрану, и юного мага тут же потащили в подвал, где заперли в стальную клетку, подвешенную над землёй. Алим не сопротивлялся – он мог думать только о том, что где-то там,

наверху, в своих покоях страдает Талаг, и страшная болезнь пожирает её тело. Юная пылкая душа, он полагал, что сможет найти средство, которое спасёт от яда. Правитель же был уверен в виновности полукровки и не дал даже осмотреть свою дочь. Алим сел в углу клетки, обхватив колени руками, и стал ждать казни. Капли падающей с потолка воды отсчитывали его время. Он сам не заметил, как задремал. Его разбудили лёгкие шаги. Маг поднял глаза и увидел, как к клетке подошла женщина, а вернее драконица, принявшая человеческое обличье – даже в скудном свете факелов было видно, что её глаза отливали золотом. Это была жена Правителя и мать Талаг. – Здравствуй, Алим, – сказала она. Маг встал, насколько позволяли размеры его узилища, и изобразил неуклюжий поклон. От этого клетка зашаталась, и ему пришлось сесть обратно. – И вы пребывайте в здравии как можно дольше, блистательная Анаид, Матерь Народа, – совершенно искренне ответил Алим. – Да благословят вас Боги! Но я удивлён вашим визитом. Или вы пришли требовать от меня признания? Но мне не в чем признаваться – я не виновен. Анаид покачала головой. – Я знаю, что ты не виновен, юноша. Ты ни за что бы не отравил мою Талаг. Я знаю всё – дочь рассказала, что вы любите друг друга. – Тогда почему вы здесь? – удивился маг. – Я пришла просить тебя исцелить моих детей, – в жёлтых глазах блеснули слёзы. Алим опустил глаза: – Я бы всё отдал за то, чтобы она снова стала здоровой, но Правитель отказался пустить меня к Талаг… Женщина достала из-за пазухи связку ключей и отперла клетку. – Не в моих силах отменить казнь, но если дочери станет чуть лучше, то я поговорю с мужем. Если на это будет воля Богов, он сменит гнев на милость. Я проведу тебя в покои моих детей. Верные мне слуги уже принесли туда твою сумку с травами и настоями. Анаид вывела мага из подземелья тайными коридорами, а на место его заточения наложила заклятие. Драконицы владели своей, женской магией, неподвластной мужчинам. Любой, кто посмотрел бы на клетку, увидел в ней спящего в углу Алима. Когда они вошли в комнату, то закат уже раскрасил небо кровавыми отблесками. Талаг лежала неподвижно, а её маленький братик Саро тихонько скулил от боли. Малышу было не больше трёх месяцев от роду. Анаид тихонько заплакала – болезнь мучила её детей, а она была бессильна. До самого рассвета Алим читал заклинания и составлял лекарства. Но болезнь вызвал не яд, а чёрное колдовство магов северных земель – теперь юноша видел это. Стоило ему прикоснуться к руке девушки, как ему было видение: король страны людей, лежащей в предгорьях, решил извести драконов и завладеть их золотом. Сто магов сто дней думали над чёрным заклятием, но теперь его нельзя было разрушить. – Вам нужно уходить отсюда, – грустно сказал юноша Матери Народа. – Иначе проклятие, от которого нет спасения, настигнет каждого. Злые люди наслали его – северному королю по нраву наши сокровища, он хочет избавиться от драконов. Скажите мужу, – может быть, он поверит вам. – А как же мои дети? – вскричала Анаид. – Спаси их, маг! Алим покачал головой: – Нет,

это не в моих силах. Мне не подвластно столь сильное заклятие… Анаид упала на ложе и разрыдалась. Сердце юноши защемило от горя. – Но есть один способ, – сказал он, собравшись с мыслями. – Я попытаюсь взять болезнь себе – моя мать была человеком, поэтому заклятие не убьёт меня. Но я не знаю, хватит ли мне сил помочь обоим… Матерь Народа взмолилась: – Прошу тебя, маг! Ради своей возлюбленной! Исцели! Если бы я могла, я отдала бы за детей жизнь! Умоляю тебя! Анаид встала перед Алимом на колени, но тот поднял женщину. – Когда-то моя мать умерла от болезни. Тогда я поклялся, что стану лекарем и смогу исцелить кого угодно. А теперь умирает и моя Талаг – та, без которой и жизнь не в радость. Я сделаю это. Пусть я не смогу исцелить всех, но я заберу себе болезнь ваших детей… Маг закончил читать заклинание, когда Великий Правитель Сарголы начал своё шествие по небу – нужно было успеть до того, как возвестят начало казни. Алим возложил руку на лоб Саро и стал читать заклинание. В первую минуту ничего не происходило, но затем малыш задышал ровно, а гноящиеся струпья на его теле сами собой начали затягиваться. Нутро же Алима сжалось от дурноты – проклятие оказалось слишком сильно. Он зашатался, но воля его была не сломлена. Анаид взяла его под руку и подвела к постели дочери. – Спасибо тебе, юноша! И пусть мне придётся валяться в ногах у мужа, но я буду молить его отменить казнь! Маг возложил дрожащую руку на лоб Талаг – та вздрогнула и пробормотала его имя. Её прекрасное лицо было изъедено язвами, от которых исходил мерзкий запах, но для Алима его возлюбленная была всё ещё красива. Он читал заклинание раз за разом, но проклятие жгло его, словно огонь, мешая творить магию. На лице и руках проступили зудящие волдыри, пальцы свело судорогой. Анаид испуганно замерла, понимая, что маг может не справиться. Лишь воля юноши всё ещё держала его в этом мире. Он вновь повторял заклинание – и вновь терпел неудачу. Так продолжалось раз за разом. Рассвет неумолимо приближался, но Алим так и не смог сотворить чудо. Потом силы покинули мага, и он лишился чувств.

Тайны Горного Коршуна

Алим очнулся от того, что почувствовал, будто тело его раскачивается, словно на волнах. Спустя пару мгновений он услышал цокот и понял, что его куда-то везут в телеге. Лекарь открыл глаза, но не увидел ничего, кроме серой мути. Только светлое пятно на месте солнца и тёмный силуэт впереди. Алим заворочался и потёр глаза. Память напоминала решето – он с трудом мог вспомнить своё имя и кто он такой. – Очнулся, бедолага? – послышался стариковский голос. – Скоро приедем, погоди немного. Ты лежал в ущелье – руки-ноги целы, но сердце билось редко. Решил помочь. Лекарь открыл рот, чтобы поблагодарить старика, но из горла вырвался лишь неразборчивый хрип. –

Не благодари! Виданное ли дело – живого человека оставлять в горах стервятников кормить? Старик помолчал недолго, а потом спросил: – У тебя знак на руке – пламя в круге. Ты колдун что ли? Алим кивнул, припоминая. – И угораздило ж тебя, колдун… Доколдовался что ли? Лекарь не знал этого. Не помнил, что с ним случилось – лишь обрывки, образы, словно сон, который ускользает поутру. Вдруг повозка остановилась. – Ну, вылазь! Приехали! – велел старик. Алим попытался выбраться самостоятельно, но тут же упал, а когда стал вставать, то чуть не сшиб с ног своего спасителя. – Слепой что ли? – удивился старик. – Я… кажется, был зрячим… – с трудом проговорил лекарь. Это он помнил точно. Пёстрая цветущая степь, изумрудные кроны сосен и их янтарные стволы, красота девичьего лица. – Точно доколдовался. Или от страха ослеп. Или головой стукнулся. Но ты не бойся – ежели от страха, то зрение ещё вернется. Ты обопрись пока на меня. Старик проводил Алима в дом и усадил на скамью. – Вот что я тебе скажу, колдун, – поживешь у меня, пока не поправишься. Меня Инушем зовут. Я сам, когда молод был, тоже силу имел великую. Вся округа Инуша-колдуна знала. Кланялись мне, Горным Коршуном звали. А как пришла старость – ушла колдовская сила. А детей нет. Тяжело одному стало: руки уже не те. Ты парень молодой да сильный, будешь мне помогать, а я тебе потихоньку свои колдовские премудрости передам. Из-за глаз не беспокойся – научу тебя видеть и без них! Так Алим и остался жить у старого Инуша. Не обманул старик, научил видеть без глаз. Теперь лекарь мог различать предметы в комнате, где он находился. Стоило ему сосредоточиться, как он видел перед собой серебристое свечение. Живые существа светились ярче, а вещи слабее. Свечение повторяло форму предметов и давало представление об их природе. Когда лекарь смог передвигаться по избе, не задевая лавку, и даже помогать по хозяйству – ходить за водой и хворостом, возделывать крошечный огородик с колдовскими травами и топить печь, Инуш стал учить его колдовским премудростям. – Что ты умел, мальчик, до того, как с тобой случилась беда? – для начала спросил старый колдун. Алим признался, что не учил ничего, кроме лекарского искусства. – Ох уж эти лекари… значит, ничего ты не умеешь, мальчишка! Ведомо ли тебе своё будущее? Можешь ли ты заглянуть в далёкое прошлое? Открывали ли тебе свои тайны недра земли? Известен ли тебе секрет долголетия? Лекарь покачал головой. – То-то же, что нет! Однако не печалься, я передам тебе всё, что знаю. Инуш стал учить Алима тем заклинаниям, которые знал сам. Лекарь не сразу понял, что за магией владел старик. А когда понял – испугался. Это было даже не черное колдовство северных людей, но магия, пришедшая из недр горы. Там, под каменными сводами, пряталось от праведного взора Солнца, Правителя Сарголы, древнее племя Оррох. Никто не знал, от кого они произошли, но ни один народ не желал иметь такой родни. Они добывали золото и драгоценные камни. Иногда в безлунные ночи оррохи выходили к людям и вели торг, меняя богатства, добытые в недрах, на тёплые

меха, посуду тонкой работы, яркие ткани и дурманные травы. Они были очень сильными колдунами – даже маги северных стран не стали бы тягаться с подземными жителями. Ходили слухи, что оррохи покорили смерть и никогда не умирали, но за это приносили собственных детей в жертву черным богам горы. Алим слышал об этой магии, но не думал, что кто-то, живущий на виду у Солнца, стал бы заниматься подобным колдовством. – Глупый ты мальчишка! – отмахнулся Инуш, когда Алим спросил его. – А если и от оррохов, то что тогда? Меня же никакие боги не покарали! А ты бы не рассусоливал, а учился! Горный Коршун открывал перед юным лекарем завесы страшных тайн, хранимых подгорными жителями. Теперь Алим мог видеть душу всего живого: хоть цветка, хоть человека – и даже забрать её, но не делал этого. Память не возвращалась к нему, но в душе поселилась жажда бессмертия, но не чёрного оррохского колдовства, а такого, которое можно было разделить с другими. Ночами лекарь видел сны – картины, доступные лишь зрячим: степь, до самого горизонта разукрашенная яркими россыпями цветов, юное лицо, столь же прелестное, сколь и желанное. Но оно постоянно ускользало. Старик Инуш хвалил ученика за успехи, и однажды, когда старый месяц почти истаял, являя на небе лишь иссушенный старческий бок, Коршун сказал: – Я старый и дряхлый, вот-вот умру, а ты молод и силен, магия кипит в твоём теле. Поэтому в ночь, когда месяц умрёт, я открою тебе величайшую тайну. Когда я скажу – пойдешь в горы, туда, где я нашёл тебя. Моя магия направит, не заплутаешь. А как придешь – разожжёшь костёр и будешь меня ждать. Только смотри не уходи никуда… В ту безлунную ночь с небес глядели россыпи звезд – может, это духи смотрели с высоты, оберегая Алима? Мечтая хоть раз вспомнить, как это – быть зрячим, лекарь видел их свет внутренним взором… Юноша, босой, в простой белой рубахе, как и велел ему Горный Коршун, шёл, ведомый древней магией. Она увела его с проезжего тракта на горную тропу, петляющую между острых скал. Шум ветра в листьях и стрекот насекомых сплетались в странную песнь. «И взойдёт он на гору, следуя Песни Погибели», – вспомнилось ему прочтённая когда-то строка. Возможно, сегодня он вспомнит всё, что с ним было. Тропа сделалась уже и, приникнув к скале, змеилась вдоль оскалившегося острыми камнями обрыва. Ветер трепал волосы и легонько подталкивал в спину, словно был другом, но его странный шёпот предвещал какую-то беду. В недрах скал таились каменья, несущие великую силу, а в глубине ущелья шумел источник. Алим понял, что его голубая вода, радостно журчащая по камням, несет смерть и зверю и птице, испившей из него. Старик Инуш научил многому: во всём, говорил он, таится великая магия. Но её можно взять лишь силой. – Лекари растирают травы, чтобы их живительные соки спасали от ран и ядов. Но познать настоящую магию можно, лишь отняв не тело, а душу… Тропа взобралась на плоский, как длань, утёс над пропастью. Со всех сторон его окружали отвесные каменные стены, а в глубине, за кустом колючки, виднелся вход в пещеру. В

центре, в нарочно выдолбленном углублении, уже был сложен костер. Алим прошептал заветные слова – и пламя заплясало над сухими ветками, бодро потрескивая. Ветер завывал в ущелье, выводя странную песню. Её звук приносил покой в сердце юноши, веки тяжело смежились, а дыхание выровнялось – и Алима сморил сон. *** Смерть в образе прекрасной юной девы стояла перед ним. – Ну здравствуй, лекарь. Да ты никак обмануть меня решил? Отнял мою добычу, а сам живёхонек. Ну ничего, скоро придет твой час: и тогда станешь моим навеки. Приглянулся ты мне… Коли удастся в этот раз уцелеть, обхитрить меня, то отпущу Талаг снова в твой мир. Найдёшь – твоя станет. Из-за спины холодной красавицы выглянула юная Талаг – такая, какую Алим запомнил в последний день встречи. – Алим, открой глаза! Открой! – зашептала она умоляюще. – А ну цыц, пигалица! – шикнула на неё Смерть. *** Но Алим уже сорвал сонное оцепенение и услышал колдовскую песнь над своим спящим телом. Память вернулась вместе с сознанием: юноша вспомнил, что он дитя дракона и человеческой женщины. В свои годы стал лучшим лекарем в драконьем крае. Алим распахнул глаза и увидел, как над ним наклонились люди с белыми волосами и кожей, чьи полуобнаженные тела были изукрашены углем. Оррохи – люди, не видящие солнца. Их кожа была бела, а магия черна. Они прятались в своих пещерах, боясь кары Богов Сарголы, и поклонялись своим чёрным Богам! – Он даст нам много сил! В нем течёт кровь драконов и людей. Первая сделала его таким слабым, а вторая даст силу нам! Во славу Маруна, Владыки Подземелий, мы наполним его кровью кубки! – голос принадлежал Инушу, Горному Коршуну. Тот самый старец, которому Алим так доверял, точным движением занёс нож над его грудью… – Я пытался пробудить в нём древнюю силу и сделать его нашим рабом, но его драконья кровь слишком сильна. Так причастимся же, братья! А драконье сердце послужит подношением Владыке Подземелий! Ноги и руки были крепко связаны, но забытая раньше сила расцвела внутри. Кожу покрыла чешуя, на спине развернулись крылья – и верёвка лопнула, словно гнилая нить. – Призываю вас, Боги моей страны, и тебя, о Солнце, Пресветлый Правитель Сарголы. Твой лик сейчас скрыт от нас, но длань твоя пусть покарает нечестивцев! – драконий рёв гремел, отражаясь от скал. Услышав имя Правителя, огонь в костре взвился вверх, словно присягая на верность, а жрецы Маруна спрятали от света лица. – Вы жаждали моей крови и силы, но отныне ни капли её не прольётся ради несправедливости! Оррохи бросились к пещере, но огонь метнулся по пожухлой траве, занялся куст колючки. – И пусть я стану дланью Богов Сарголы! – проревел Алим. Тела оррохов начали стареть на глазах, кожа желтеть и ссыхаться, словно старый пергамент. Горный Коршун кричал громче своих собратьев – в нём было больше всего чужой силы. Алим не ведал, была ли эта жизнь его собственных убиенных детей или таких же наивных юношей… Спустя миг всё было кончено – от оррохов остались лишь кучки пепла, а их силы хлынули в тело Алима. Он словно наяву услышал голос Инуша: – Ты

выжил, мальчишка, но прогадал, убив нас и забрав нашу силу. Теперь ты осквернён, твои Боги от тебя отвернутся. И ты будешь жить так долго, что взмолишься о смерти!

Договор

Когда Руам вновь очнулся, старика нигде не было. Тело стало легким, и боль ушла, но стоило встать на ноги, мир вокруг закачался и закружился, пришлось сесть на лавку. Дом радушного хозяина был маленьким, но очень уж опрятным – не повернётся язык лачугой назвать. Под потолком висят травы, на полках вдоль стен стоят горшки, белыми тряпицам накрыты и бутыли, запечатанные воском. Очаг чистый, не коптит, два котелка в углу лежат, песочком вычищенные. «Значит, это травник меня приютил и вылечил. Хорош, видать, лекарь, буду к нему за мазями ходить, а не к базарным шарлатанам…» Тут дверь отворилась – хозяин скромного жилища вернулся домой. – Уже вскочил? Смелый какой! – проскрипел старик. – Ну, вскочил, так сиди. Руам наконец рассмотрел травника. Сам старый, пальцы тёмные, корявые, как корни дерева, глаза бельмами закрыты – слепец, значит. Старик, как старик. Только для старого слепца очень уж хорошо двигался. Хотя что тут странного – он у себя дома. А дома даже слепец не плутает… – Спасибо, что приютил, но мне пора, – от всего сердца поблагодарил наёмник. – Сколько я проспал? День? Два? – Руам снова попытался встать на ноги, но они не держали, и он рухнул на лавку. – Целую седмицу. Сегодня уж восьмой день, – ответил травник. – Но не спеши вставать, ноги не держат от того, что ты долго пролежал. К вечеру снова слушаться начнут… – Да как же не вставать? Мне к сестрице надо, она меня, поди, оплакать успела, – забеспокоился Руам. – Я нашел твою сестрицу, и твой кошель, который у тебя на поясе висел, ей передал. Велел молиться за тебя Светлым Богам… – успокоил его старик. – Толку-то от этих Богов. Будь они справедливы, жили б мы впроголодь, пока вельможи от сала лоснятся? – пробурчал юноша и прилег на лавку, утомившись сидеть. Старик не ответил, отвернулся, и слышно было, как он занялся чем-то. Зашуршали сухие травы, заскреб каменный пестик о ступу. – Завтра уже домой сможешь вернуться, – проговорил после некоторого молчания травник. – Я тебе с собой дам мазь и порошок, скажу, как с ними поступить. Не будешь о ране заботиться – болезнь вернется. – Чем мне с тобой расплатиться, старик? Серебром? Золотом? Я найду! – Руам не любил оставаться в долгу. Жизнь любые долги взыскивает сторицей. – Не утруждай себя, мне злато-серебро не нужно, мои зелья в городе знают, впроголодь не сижу…. Травник накормил гостя странной на вкус пряной похлебкой, дал выпить снадобье, и к вечеру Руам смог подняться и пройтись по избе. Он тут же засобирался домой, хотя старик и покачал головой: – Слаб ты ещё… Но задерживать наёмника не стал, лишь сказал напоследок: – Знаю я, каким ремеслом ты живёшь… Послушай

меня, юноша. Я тебя из пасти Смерти вырвал, так она теперича зуб точит, хочет утраченное вернуть. Побереги себя, не связывайся с ней – убьёшь кого, она за ним придёт, но и тебя заприметит. Руам лишь отмахнулся: суеверия старика нагоняли тоску. Взял мази и настои, которые вручил ему травник, поблагодарил, и, пошатываясь, побрёл домой. Сестрица его на пороге встретила, глазёны зарёванные. Увела Руама в дом, усадила на лавку, а сама уселась рядом, обнимая и целуя в лицо. – Прекрати, Талья. Живой я, живой! – А я уж думала – сгинул. Соседка принесла весть, что на базаре вельможу убили. Я сразу поняла, что без тебя не обошлось. А когда ты вечером не вернулся, то забеспокоилась. Всю ночь глаз не сомкнула, но и утром ты не пришел. День нет, два нет. А на третий явился какой-то старик, принёс твой кошель и рассказал, что ты жив. Странный такой… Уж как он на меня смотрел потом, спросил, как зовут. Я сказала, но потом поняла – зря. Кажется мне, что он злой дух или колдун, за душой моей явился! – Ох уж эти твои суеверия, сестрица, – рассмеялся Руам. – Он простой травник. А на тебя он смотреть не мог, он слеп. – Слеп-то слеп, а смотрел! Глаза белые, не зрячие, но прямо в душу глядят, как угли жгут! – обиженно фыркнула Талья. – И на следующий день снова пришёл, принёс корзину яблок и хлеба заморского. Такого здесь никто не печёт, я точно знаю, но как попробовала – будто бы всю жизнь только его и ела. Я стала спрашивать, как ты, он рассказал, но к тебе проводить отказался. Я давай ему деньги предлагать, он отказался. Сказал, что ты найдёшь, чем отплатить… Ну точно злой дух! Ты б завтра, не мешкая, в храм пошёл, к жрецам Венценосной. Пусть посмотрят – нет ли на тебе порчи… – Уймись, глупая! – прикрикнул брат на сестрицу. – Не такой я простофиля, чтоб жрецу деньги нести. Это то же самое, если бы я перед вором площадным мошну раскрыл – бери, мол, мои денежки! Талья зыкнула зло, отстранилась. – Ну и делай, как знаешь! Злой колдун твой травник… Не хотелось оставаться в долгу перед лекарем, поэтому, отлежавшись пару дней дома, Руам пошёл к старому травнику, чтобы расплатиться за лечение. Тот пригласил в дом, угостил травяным отваром, но деньги не принял. – Не ради злата или серебра я тебя спас. Сейчас отдашь мне последнее, пойдёшь вершить своё ремесло. Там-то смерть тебя и найдёт. Получится, что зря я старался? – А это пусть тебя не волнует, каким ремеслом я живу! Ты мне не сват, не брат, не дядька! – упрямый старик злил Руама. «Ремесло ему моё не угодило!» – Но, ежели, ты и впрямь так отблагодарить хочешь, – сказал вдруг лекарь, – то исполни мою просьбу. Юноша ты сильный, смелый, и душа у тебя чистая. Сам видишь, что я слеп, но мне нужно кое-куда добраться… – Не заметно, что тебе требуется поводырь… – засомневался юноша. – Сразу и не скажешь, что не зрячий. Старик улыбнулся хитро. Отхлебнул из чаши. – Поводырь не нужен, но нужен спутник. Мне предстоит нелёгкий путь – есть у меня важное дело в Западных Горах за Белым Перевалом. Не ближний свет, одному не дойти. Вдруг разбойников повстречаю или ещё кого… Белый Перевал?

Это же месяц пути, да и место гиблое – снег, стужа. Зачем слепцу уходить так далеко? – Не ближний… Какие же дела у старика в горах? С оррохами торговать? – рассмеялся наёмник, вспоминая слова сестры про злого колдуна. – Да охранит нас Пресветлый Правитель Сарголы от встречи с подземным народом! – с жаром воскликнул старик. «Вот кому драконью кровь можно продать!» – подумал Руам, усмехаясь. – «В оррохов верит, ну надо же… Такие жрецам в храм денежки и носят!» – Я травник. Есть за Белым Перевалом пещера, где жар земных недр прогнал вечный холод. Там раскинулось горное озеро, а по берегам растут цветы и травы, которых негде больше нет, – пояснил старик. – Расскажи мне про эти травы, я принесу их тебе, зачем идти самому… – наёмнику не хотелось вести слепого старика в горы, на верную смерть. – Ты не отыщешь их, лишь таким, как я открывается их тайна, – тихо ответил старец. – Старым слепцам? Наощупь будешь отыскивать? – усмехнулся Руам. – Так же, как отыскал твою жизнь! – травник развернулся к юноше, в старом голосе почудились громовые раскаты. – Если не готов отвести меня, я найду другого провожатого. А то ишь удумал – насмехаться над тем, кто тебя с того света вывел… – Не хотелось бы вести своего спасителя на верную смерть, – признался наемник. Старик чуть смягчился, рассмеялся: – А я и не собираюсь так просто помирать… Что ж, возможно, я и кажусь немощным, но внешность обманчива. – Всё равно не поведу! – Неволить не буду, решай сам. Сроку тебе седмица. Надумаешь, так придёшь, а на нет – суда нет, – подытожил травник. Деньги он так и не принял. Руам оставил кошель в укромном месте и отправился на базар. Там, на отшибе, за рыбными рядами, если у тебя водились денежки, можно было купить любую редкость. Хочешь – заморскую птицу, хочешь – дурманящую разум траву, хочешь – рабыню редкой красоты. Там же люди его ремесла искали себе работу. День оказался удачным – юная супруга ростовщика, устав от побоев, пожелала остаться богатой вдовой и не пожалела за это целый кошель с золотых монет. К вечеру всё было готово – старика будто бы случайно прирезали в темном переулке, а прекрасная вдова на радостях вручила своему «избавителю» туго набитый кошель. Если добавить награду за смерть вельможи, то на эти деньги можно было бы построить скромный, но добротный домишко на окраине, а не ютится в тесной лачуге. Вот Талья обрадуется! Лишь бы жрецам деньги не понесла, «грехи непутевого брата» замаливать. Накупив гостинцев для сестры, Руам вернулся домой. Талья встретила брата с улыбкой, но была тихой, даже не обрадовалась любимым лакомствам. – Что-то мне недужится… – пожаловалась она. Что ж, с ней такое часто бывало. Усталый Руам пошёл спать, а утром нашёл сестру на полу у очага. Она металась в горячке, не признавая брата, а спёкшиеся губы шептали слова на незнакомом языке. – Да что ж за напасть такая! – в сердцах воскликнул Руам и побежал за травником. Тот оказался дома. – Пришёл… Согласен, значит, проводить меня? – спросил старик, когда наёмник переступил порог его дома. Он сидел на лавке, отвернувшись от

входа, но слух слепца что глаза зрячего. – Некогда сейчас… Сестра захворала, в горячке лежит! Поможете – куда хотите с вами пойду! Старец застыл на миг, затем спешно поднялся и отложил сушёный пучок печаль-травы, с которого обрывал сухие цветы, надел плащ, взял одну из бутылей и спрятал за пазуху. – Пойдём. Чем могу – помогу. Но чуда не жди, – сказал он мрачно. Руам опешил. Он ждал отказа или торга. – Нарушил ты мой запрет, значит, к ремеслу вернулся, – грустно сказал старик. – И теперь Смерть за тобой вновь явилась, но не нашла. Решила, что и сестрица твоя сойдёт… – Ни при чём тут моё ремесло! – возмутился наёмник. Опять старик ему морали читает… – Глупые люди… – проворчал травник и замолк. «Так сказал, будто себя человеком не считает! Безумец и есть, но раз улуандский яд из тела выгнал, то, видно, дело своё знает!» Шёл травник споро, Руаму большого труда стоило угнаться за ним. Вспомнились слова сестры – и то верно, больно резвый он для старого слепца, идёт так, будто бы своими белыми глазами всё видит… «Пока я лежал в беспамятстве, борясь с ядом, он отыскал мой дом и отдал кошель сестре. Но как он узнал, где я живу? Будто и впрямь колдун… Да быть того не может, суеверия это, чтобы суеверных простачков без ножа грабить!» Стоило им прийти, травник бросился к Талье. Та металась в бреду, повторяя странные незнакомые слова. Старик положил руку ей на лоб, она вздрогнула и замерла. – А ты иди во дворе подожди, нечего тут глазеть! – прикрикнул травник на Руама, затем повернулся обратно к Талье и сказал что-то. Слова походили на те, что его сестра повторяла в горячке. – Ступай вон! Прочь, я сказал! – повторил старик. Или не старик вовсе? Голос его изменился, стал сильным и грозным. И хоть лица не было видно под капюшоном плаща, рука, лежащая на лбу девушки, не могла принадлежать старику, но молодому мужчине. – Ты к-колдун… – пробормотал наёмник, но тут какая-то неведомая сила вытолкнула его за порог, и дверь захлопнулась с таким грохотом, что затряслись стены. *** – Алим… Алим, я так ждала тебя! – Талаг, так много жизней искавшая Алима, потянулась к нему. Но за спиной стояла Она – старуха, жадная до чужих душ. – Наконец ты пришёл… Но Смерть снова… снова нашла меня раньше тебя. Я ведь уже встретила тебя… но не смогла вспомнить. А сейчас Она снова здесь, мы расстаемся… – Я не отдам тебя ей… Никого не отдам… – дракон зашептал заклинание. – Но… ты не такой, каким был тогда… Я… чувствую в тебе это… Ты отверг наших Богов Сарголы? – печально спросила девушка. – На мне лежит печать колдовства Подземного Народа, но я не предавал ни своих Богов, ни свой род. Талаг вздохнула и прикрыла глаза, смиряясь – костлявая старуха уже тянула к девушке свои когти. Алим вознёс мольбы Великому Правителю Сарголы – и Смерть с шипением отпрянула. – Отдай её мне, дракон! А то и тебя, с-с-стервец, прихвачу! – пригрозила Смерть. – Таков был наш уговор: найду – моей будет! – дракон расправил изъязвлённые давней болезнью крылья, закрывая собой Талаг. – Долго же ты искал. С-с-ступай вон! Глупый человечиш-ш-шка меня к ней привёл. – Он привёл, а я уведу! Не пришёл

её срок, а, значит, пока я сильнее! – и дракон начал читать заклинание, обращаясь к Светлым Богам. Смерть оскалилась, попробовала вцепиться в горло, но, словно наткнувшись на невидимую преграду, скорчилась, зашипела и отступила. – Пока я жив, они так просто тебе не достанутся! *** Алим, забыв обратиться старцем, опустился на пол, где лежала девушка, которую много жизней назад звали Талаг. Она дышала ровно, горячка начала отступать. Через час надо напоить её настоем из трав – и тогда она совсем поправится. Если глупый юнец вновь не приведёт Старуху с собой, то Смерть ещё не скоро придёт в этот дом. Но долго ли ещё он сам сможет бегать от своей судьбы? Все эти годы он жил ради того, чтобы повстречать Талаг, но сейчас, даже когда она вспомнила его, в душе зияла прежняя пропасть. Юная драконица осталась в прошлом, прежние чувства казались волшебным детским сном. Да и Талаг, пережив много воплощений, изменилась. Не зря она не узнала прежнего возлюбленного. Дверь тихо скрипнула, опасливо вошёл Руам. Стало понятно, что всё это время он подглядывал за происходящим. И пусть наёмник видел и слышал лишь то, что доступно людям, всё равно понимал – это было колдовство. Но ещё Руам видел, что сестра перестала метаться, бредить, дышала ровно и чисто. – Скажи мне, старик… – начал он и осёкся, понимая, что мужчина перед ним больше не был ветхим стариком. – Скажи мне, травник, что это сейчас было? – Я колдовал, – с усталой усмешкой ответил Алим, обращаясь обратно в старика. – Призывал светлых Богов Сарголы, чтобы отогнать от твоей сестры приведённую тобой Смерть. Но если вновь приведёшь её с собой, я вряд ли смогу чем-то помочь… Травник слепо пошарил вокруг, нащупал лавку, попытался встать, но не смог, заваливаясь обратно на пол. Руам помог ему подняться и сесть. – Ты словно бы ослеп… – проговорил он тихо. – Я ослеп много лет назад. Помнится, давеча ты сам мне говорил: нечего, мол, слепому старику в горах делать! Наёмнику стало не по себе, когда травник вспомнил их разговор. – Однако один старик научил меня видеть иначе, – смягчился травник. – Но сейчас я растерял свои силы. Они скоро вернутся, но тот колодец, из которого я их черпаю, пересыхает. Мне надо вновь наполнить его. Проводи меня в горы, юный наёмник, иначе в Ночь Красной Луны за моей душой явится Владыка Подземелий, до охранят меня Светлые Боги Сарголы… Взамен я открою тебе место драконьего клада – сокровищ, которые оставила моя семья, когда уходила из этих мест. Мне они без надобности, я странствую по свету – хватит и пригоршни золотых монет, а вы с сестрой отстроите дом. – Я провожу вас… тебя в горы… Когда твоё зрение вернётся. Я ведь поклялся, – тихо проговорил наёмник. – Соберись, выжди три дня и заходи за мной. А теперь… будь любезен, Руам, проводи старика до дома, – в голосе Алима вновь прозвучала усмешка.

Белый Перевал

Снег валил крупными белыми хлопьями, и звуки увязали в снежном покрывале, словно в болоте. Слева тянулась отвесная скала, справа, в двух шагах, пропасть, но даже её не было видно. Лекарь бодро шагал впереди – не скажешь, что старик, а утомившийся Руам плёлся сзади. Снег налип на тёплый шерстяной плащ, делая его неподъёмным. – Зачем ты потащил меня в такую даль, если сам идёшь, словно зрячий юнец? – вздыхал наёмник. – А вдруг силы снова покинут меня? Я не хочу потерять зрение посреди Белого Перевала, – сказал Алим. – Нам надо торопиться, чтоб найти укрытие до ночи. Я чувствую, что сюда идёт буря. Наконец, когда Руама уже почти покинули силы, путники нашли расселину и укрылись там. Лекарь поёжился: – Надо бы разжечь огонь, а то замёрзнем! Наёмник воззрился на него удивлённо: – Видать, у тебя, старик, уж голова худая к старости стала! Где ты видишь дрова? Лекарь будто бы не услышал, воздел вверх руки и начал шептать что-то. И тут же прямо из камня поднялся лепесток огня. – Больше не смогу. Но этого нам хватит. Обогрейся, поешь и поспи, а как метель стихнет – дальше пойдём, – сказал он, вынимая из котомки хлеб, луковицу и вяленое мясо. Он споро принялся за еду, Руам же ел без аппетита, лишь чтобы восполнить силы – так его утомил переход. – Старик… ведь тебе не нужен огонь, так? Ты сделал его только для меня? – спросил вдруг наёмник. Дракон усмехнулся: – О, мне важно, чтоб мой поводырь остался в добром здравии! Руам хотел было ответить что-то, но его сморил сон. С некоторых пор сны стали тяжелы – в них приходили те, кого он убил. Не требовали ответа, не жаждали расплаты, просто стояли и смотрели, будто бы ждали чего-то. А за их спинами прохаживалась прекрасная женщина с белым лицом. От женщины веяло ледяным ужасом, могильным холодом… Наёмник проснулся от страха и замотал головой, отгоняя наваждение. – Чего ты? – сонно спросил травник. – Она за тобой приходила что ли? Не бойся, пока я жив, она до срока тебя не утащит. – А каков он, срок? – мрачно спросил Руам. – Может, меня завтра тут снегом завалит, и поминай, как звали? – Нет, не утащит. Светлые Боги не даровали бы мне тебя в помощники, будь тебе суждено сгинуть по дороге… – буркнул Алим сонно. – Откуда ты знаешь, что Светлые? Может, меня этот… Владыка Подземелий послал? – едко проговорил наёмник, стараясь уязвить больнее. Алим дёрнулся, словно его кнутом огрели, из глаз исчезла дремота: – Не произноси этого имени, мы в его царстве! Накличешь! – зашипел он, и Руаму почудилось, будто за спиной мелькнула тень крыльев. – Сказки это всё, чего пугаешься… – отмахнулся наёмник и уже было хотел лечь, как услышал гул, идущий откуда-то из сердца горы. Гул нарастал, будто бы приближаясь. – Глупый мальчишка, чего ты наделал?! – вскричал травник. – Орроxи не добили меня, так теперь сам Марун прикончит по твоей милости? Огонь взвился к потолку пещеры, а «старый» лекарь вскочил с молодой прытью, схватил Руама за шиворот и выволок наружу. Снег зарядил ещё гуще, обратившись в непроглядную белую стену, было не видно даже своей руки, вытянутой перед лицом. Лекарь на миг

оставил наёмника, сам вдруг исчез в белом мареве и тут же на этом месте возник дракон, тот же, что и во сне. Он распластал шею по снегу, приглашая юношу взобраться. Тот опешил, но гул из пещеры становился всё сильнее, оттуда, из черноты, повеяло опасностью, смертью. Руам вскарабкался на шею чудищу, дракон поднялся, неуклюже взмахнул крыльями и попытался взлететь. Ничего не вышло. Ни на второй, ни на третий раз. Дракон просто бежал, неуклюже перебирая изъеденными болезнью крыльями. Потом он всё же поднялся над землёй, но порыв ветра швырнул его о скалу. Для Руама наступила чернота. *** Перед наёмником стаяла женщина, похожая на его сестру, но чуть старше и одетая, подобно принцессе. – Скажи мне, не Алим ли спас тебя от смерти? – спросила она. Юноша кивнул. – А чем же ты отплатил ему? Ты видел магию и всё равно не поверил, накликал беду… Теперь он умрёт здесь, в снегах, невдалеке от того места, к которому он стремился. Ты раскаиваешься в содеянном? А ты последуешь за ним. Тебе не выбраться, даже если метель кончится – там, где Марун пытался вырваться из горы, случился обвал… – Но что же делать? Неужели ничем не помочь? – спросил Руам. – Есть способ… Если ты отдашь ему свои силы и своё зрение, то, возможно, он сможет выбраться, – тихо проговорила женщина. – А я навечно останусь слепцом? – ужаснулся юноша. – Как же я буду жить? Мы с сестрой с голоду помрём! Да и толку от зрения в такую метель! – Когда Алим войдёт в силу, он вернёт тебе зрение. Здесь, в двух шагах есть пещера, в которой Марун вас не достанет – там когда-то останавливались жрецы Светлых Богов и оставляли свои обереги. – Хорошо, согласен…– нехотя ответил Руам, немного подумав. – Я не хочу сгинуть здесь, в горах. Девушка кивнула и пропала. Напоследок сказала только: – А о сестрице не беспокойся, Светлые Боги хранят её… *** Руам очнулся и почувствовал тепло. Он открыл глаза, но ничего не увидел, только черноту. Юноша вскочил и закричал, замахал руками, пытался тереть глаза. Сильные руки взяли его за плечи и усадили обратно. – Тише, тише. Помню, как это было со мной. Очень страшно! Но не бойся, я выведу нас. Я буду говорить, а ты слушай мой голос и не думай о темноте… – это был лекарь. Наёмника сковал ужас. Темнота навалилась, было тяжело дышать, словно мир исчез, и от него остались одни звуки. – Это лишь на день или два, а потом ты снова прозреешь. Если мне хватит сил обратиться и полететь и если метель быстро стихнет, мы будем на вершине ещё раньше. – Но… но как же… как я буду есть, как буду идти? Руам снова дёрнулся, чтобы встать. – Я помогу тебе. И поесть, и подняться. Доверься мне, я выведу нас отсюда. Деревянная ложка стукнула о котелок. Только сейчас юноша почуял запах снеди. – Тут было из чего разжечь огонь. И вода нашлась. Так что я приготовил похлебку. На вкус неважная, но силы даст, – пояснил Алим. Он стал кормить юношу с ложки. Терпеливо, осторожно – слишком хорошо помнил, как сам ослеп. Когда каша кончилась, лекарь положил руку Руаму на лоб и велел: – Спи. Я разбужу, как метель кончится. Юношу окутал сон.

Чернота

Руам бы испугался, оказавшись на спине дракона будучи зрячим – Алим летел над острыми скалами и ущельями, сокращая путь, как только можно. Но сейчас наёмника больше всего пугала чернота перед глазами и собственная беспомощность. Он было решил, что свыкся с ней за тот день, который они провели, пережидая буран в «благословенной» пещере, но вынужденная слепота оказалась слишком тяжёлой ношей. Мужчина молчал, хотя в мыслях жалел, что отдал зрение Алиму. Вдруг лекарь не вернёт – кому же хочется ходить слепым. Его, простачка, нетрудно сейчас оставить в горах… Дракон стал снижаться, Руам вцепился ему в шею, чтобы не упасть. – Скоро стемнеет, – произнес Алим, коснувшись лапами земли. – Тут мы и переночуем, а с рассветом отправимся в путь. Тут недалеко, я смогу восстановить свои силы и вернуть тебе зрение. – Почему нельзя полететь сейчас? – возмутился Руам, но дракон был неумолим. – Я не хочу попасть в бурю, – твёрдо сказал он. Наёмник почувствовал, как они вошли в пещеру – ветер перестал швырять в лицо комья снега, и стало тише. Тут было теплее, чем снаружи, но стоило им оказаться внутри, как Руаму стало не по себе, словно сердце сдавило клещами. – Что… что это такое? – хрипло произнес он. – Это Она… – мрачно сказал Алим. Наёмник поначалу не понял, о ком говорит лекарь. – Кто? – Та, у кого я тебя отобрал. Теперь Она всегда ходит по пятам, но здесь, во владениях камня и холода, её сила велика. Странно, что ты почуял её лишь теперь… Дракон за спиной Руама обратился в человека и положил руки ему на плечи: – Смотри. Перед внутренним взором юноши возникла картина, серая, будто бы лишенная всех красок. Прямо перед ним стояла высокая тень, напоминающая сухую старуху в плаще, а вокруг неё, в недрах горы ходили скрюченные изуродованные люди. – Вот они, обитатели здешних земель, да охранят нас Светлые Боги от встречи с ними! – сказал Алим, и Руам вздрогнул. – Сын их племени учил меня когда-то – я вижу лишь благодаря его урокам. И он же проклял меня, когда не смог забрать мою жизнь. С тех пор минуло немало лет, но я всё ищу средство от того проклятия. И вот несколько лет назад я узнал о пещере на вершине этой горы. Есть ритуал, что вернёт мне прежний облик. Эта магия сильная и древняя, как сама жизнь… Но я один не сдюжу, мне нужен помощник. – Но я не маг! – вскричал Руам. – Я много лет жил, думая, что магия – досужие россказни! – Успокойся, юноша, выслушай меня, – лекарь говорил будто нехотя. – Когда мы окажемся в пещере, я верну тебе часть зрения. Ты станешь видеть очертания, но вряд ли больше – у меня пока не хватит сил… – А не лучше ли вернуть сразу всё, как ты восстановишься? – встрял наёмник. – Прошу, выслушай! Когда зрение вернётся, меня покинут последние силы, поэтому крепко запомни, что надо сделать! В углу пещеры будут два источника: один прозрачный и словно бы изнутри

светится, а второй тёмный-тёмный. Перед каждым стоит по чаше – золотая и серебряная. Сначала зачерпни в серебряную из чёрного, и дай мне испить. И тут тебе понадобится вся твоя смелость, потому что мой дух исторгнется из тела, и оно начнёт истлевать. Когда плоть рассыплется в прах, и останутся лишь одни белые кости, зачерпни в золотую чашу воды из чистого ключа и облей ею то, что останется. Тогда я восстану. Можешь и сам умыться – вода целительная, она дар Богов, твоё зрение вмиг вернётся. А вот чёрную воду не пей, сгинешь… – Что ты говоришь такое? Зачем… зачем чёрная вода? – испугался Руам. – Неужто нельзя просто испить из чистого ключа? Наёмнику доводилось нести смерть, но не тому, кто спас жизнь ему и его любимой сестрице. – На мне проклятье, да не одно, – ответил дракон. – Вода исцелит мои глаза, придаст силы, но очень скоро, быть может, и года не пройдёт, как немощь вернётся. Лишь чёрная вода очистит, смоет скверну. Если что-то случится, и Смерть не пустит меня обратно – испей чистой воды, возьми у меня пергамент, где я на память указал место кладов моей семьи, и уходи. Золото спрятано гораздо ниже снегов, почти у подножия, хоть мешками домой носи. Те пещеры благословлены Светлыми Богами, там святилища были, худого от места кладов не жди. Оба замолчали. Руам всё думал: об оставленной дома сестре, своём ремесле, золоте, спутнике-драконе. Мысли суматошно бились в голове, не давая покоя. Стоило метели утихнуть, а Алиму набраться сил, они отправились выше. В пещере, таящей в себе два источника, было тепло – словно путники оказались не в стылых снежных горах, а на залитой солнцем равнине. – Пришло время платить за добро, Руам, – проговорил травник, кладя драконью лапу на голову наёмника. Тот аж охнул от удивления – перед глазами тут же прояснилось, его взгляду предстала чудная пещера – узкая у входа и расширяющаяся в сторону противоположной стены, где тихо журчали два ключа. Чёрная вода смертоносного родника лениво выкатывалась из своей чаши и скрывалась в скале, а прозрачная, наоборот, бурлила ключом и рвалась наружу, наполняя это место весёлым говорком. – Хватит медлить, Руам, мои силы на исходе, – хрипло пророкотал дракон. Его чешуя поблёкла, он лежал на полу пещеры и тяжело дышал. Наёмник благоговейно взял серебряный ковш и набрал чёрной воды. Она тяжело плескалась, завораживая. Хотелось попробовать один глоток… – Не пей! И себя и меня угробишь! – прорычал дракон. Наёмник вздрогнул – наваждение прошло. Алим осушил чашу единым духом и тут же упал замертво. Тело вмиг приняло облик человеческого, плоть ссохлась, почернела и стала опадать с костей пеплом. «Если я не восстану…» – вспомнил Руам давешний разговор. Если дракон не восстанет, ему одному будет не выбраться из этих страшных гор, населённых мифическими оррохами. Наёмник поднялся, взял золотую чашу и зачерпнул в неё воды. Она сияла! Свет, который от неё исходил, разгонял тьму в пещере. Алим говорил, что эта вода – дар его Богов. «Тот, кто пригубит водицы, обретёт невиданную силу, а для того, кто осушит чашу, не останется загадок в

этом мире. Все знания, все клады откроются ему!» – прозвучал в ушах голос, похожий на голос Тальи, но этот был слаще мёда. Пред взором юноши встали диковинные картины – он Правитель над всеми живущими в мире людьми, сестрица живет в богатстве, которое прежде и во сне не видывала. Руам правит крепкой рукой, в его царстве нет войн, бедности и разбоя, народ почитает его, словно бога. Рядом прекрасные наложницы и жёны… «Осушишь кубок – так и будет», – шептал сладкий голосок. Наёмник было поднес кубок к губам, но вспомнил, как старый дряхлый дракон заслонял его, несмышлёного, от Смерти. – А Алим как же? – громко спросил Руам. «Оставь, он много прожил на свете…» – голос журчал ручейком. – «Он сам устал жить… Когда был молод – любил, мечтал, но потерял всё. Таков итог его пути – истлеть в сердце горы, вернувшись туда, откуда все вышли. Осуши чашу до дна и забудешь о дряхлом драконе…» Руам отстранил кубок. – Почему же я должен оставить своего спасителя и друга? Голос зазвучал отчётливее: «Оставь его, и пусть смерть проклятого станет платой за твоё могущество и власть. Оставь его и прими в наследство его немереную силу…» Сладкие речи убаюкивали. Руам уже видел себя в шёлковом халате, среди наложниц, а кругом столы ломились от яств, подаваемых проворными слугами сплошь на золотой посуде… Наёмник вспомнил, как Алим сражался за жизнь его сестры. Скольких он спас за свою долгую жизнь? Пусть он хоть трижды проклят, но оставить его кости здесь, в пещере на вершине горы, юноша не мог. Руам сжал зубы, мотнул головой, отгоняя наваждение, и выплеснул волшебную воду на кости. «Хорошего спутника выбрал себе Алим. Ты прошёл испытание!» – сладкий голос прозвучал снова. И затих. А на месте костей лежал юнец, не старше Руама, но похожий на Алима. Юнец очнулся, сел и окинул пещеру взглядом. Он был зрячим, от слепоты не осталось и воспоминания. – Не помню здешних мест… И как я тут оказался? Потом вновь оглядел пещеру, встал и поклонился: – Прошу, скажи мне своё имя, добрый путник!

Окончание странствий

Они спускались медленно – Алим вспомнил, что он дракон, но был слишком слаб, чтобы нести на себе человека, да ещё в такую погоду. Заплечная котомка Руама приятно тяготила – внутри было три мешочка с золотом, в каждом по сто монет. На первое время хватит, а там уж и работа найдётся. Приходилось останавливаться в пещерах. Первым делом разжигали огонь, а потом рисовали защитные символы, которые Руам подглядел возле волшебных ключей. Но всё равно бывший наёмник ощущал, как в недрах горы ворчали оррохи, а то и сам Марун. Тёмные духи недр жаждали мести, но доброе волшебство до поры до времени хранило от бед. Алим мало что помнил о себе. Немного про детство, немного про то, как раньше жил среди драконов. Лишь одно не истёрлось в

памяти – уста помнили заклинания, а руки магию. Он споро разводил огонь, а Руам наблюдал за тем, как движутся его руки. Бывший наёмник начал примечать, как прекрасна магия. Когда-то не верил, потом боялся… А теперь, вот те раз, сам захотел такую силу. – Скажи мне, Алим… – попросил он как-то раз. – Научишь меня… ну хотя бы огонь разжигать? – Огонь не научу, – немного подумав, ответил лекарь, – а вот про врачевание расскажу. Пока шли до дому, Руам постигал таинство колдовских знаков и сам на себя дивился: раньше грамоту на родном языке уразумел с трудом, а теперь жадно разбирал драконьи письмена, радуясь, словно ребенок. Изменило его путешествие… Домой вернулись лишь к осени, сразу к сестре направились. К той уж женихи наведываться стали, да только она всех выпроваживала: – Вот брат вернётся, тогда и о свадьбе сговоримся. Руама с Алимом тоже сначала не признала. Когда они пришли к дверям её дома, Талья приняла их за бродяг. Так отличался моложавый и статный муж от старика-травника, а хоть и не старый, но совершенно седой мужчина без возраста от её темнокудрого молодого брата. Потом признала, обняла да и заплакала: – Уж думала, не вернётесь! В тот год Руам с сестрой уехали в другой город, а Алим за ними последовал. Золота хватило, чтобы купить дом, завести скотину. Бывший наёмник про своё ремесло прошлое и думать забыл, потому что боялся – стоит ему Смерть в чужой дом пригласить, она и к ним заявится. А помолодевший травник каждый день к ним стал захаживать, поначалу учил Руама магии, а потом нет да нет, оставит его одного порошки толочь, а сам то воды с колодца принесёт Талье, то на рынок с ней пойдёт. – Негоже такой красавице тяжёлые корзины таскать! Руам приметил, противиться не стал, старался лишний раз дело за пределами дома найти, когда они вдвоём оставались. А дел стало не мало – травы собрать, засушить. И не просто как сено скотине, а любой траве свой срок и черёд. Одну на закате собирают, другую на рассвете. Одну когда бутон ещё не раскрылся, другую перед тем, как отцветет… Да и драконий язык ему дался, пусть и не без труда. Алим как раз отыскал среди вещей трактаты по магии драконов, которые купил, скитаясь по свету. Со временем Руам научился лекарства и мази изготавливать, стал продавать их, раны лёгкие исцелять. Только вот память своему другу и учителю вернуть не смог. Да и не нужна была она Алиму… Как-то раз, вернувшись с базара, где он продавал лекарства, Руам заметил, что сестрица шибко весёлая. Талья шила новое платье, украшая его вышивкой и бусинами, и пела. – Что же у тебя такое произошло? – спросил Руам, но та молчала, лишь хихикала, прячась за тканью. А вечером Алим пришёл. – Друг мой! Ты уже давно мне как брат, а теперь и вовсе породнимся! – заявил он. – Хочу на твоей сестре жениться. Усмехнулся Руам, благословил сестрицу, но согласие дал. Ух и шумная свадьба вышла: весь город гулял! Талья к Алиму в дом ушла, а Руам остался жить один. Да не больно-то и печалился – животину распродал, жил зельями. К тому времени его в городе знали, как мудрого

травника, охотно лекарства покупали. Прошло лето, затем осень, зима сменилась весной, а лето снова осенью. У Алима и Тальи сынишка появился. Алим изменился очень… Вроде и к лучшему – больше не грустил, стал работящим, начал товары покупать да продавать, озолотился. Дом своей прелестной жене отстроил – не дом, а дворец. Но лекарское ремесло забросил, про магию рассуждал неохотно, сторонился этих разговоров. В дракона ни разу больше не обратился. А как знания свои, окромя оррохской магии, передал, так и вовсе сказал: – Не желаю больше с магией дел иметь. Раз ты мне брат, то уважь волю – не вспоминай о ней в моём доме! Ещё год минул, второй, а где второй – там и пятый. Стал у Талаг и Алима полный дом детишек. Раздобрел Алим, стал Алим-ака, важным человеком. В жене и детях души не чает, всё у них ладно да складно… Руам же вроде и жил неплохо, но муторно на душе. Что ни ночь, то снится ему дряхлый дракон, который не боялся против Смерти на бой встать. Не таков теперь Алим-ака, братец его названный; возлежит на золотых подушках в расшитом халате, по правую руку виноград, по левую – инжир. Талья ему подстать: настоящая хозяйка в доме, со слугами, словно строгая мать, потяжелела её лёгкая девичья походка. Думал-думал Руам, что же не так, да не смог понять. Словно бы оставил Алим в пещере вместе с памятью что-то важное, без чего он уже и не Алим вовсе, а кто-то другой. И живётся ему без этого легче, словно прежняя ноша из камня была… Запер бывший наёмник дом, сказал родным, что уходит, и в горы направился. Белый Перевал встретил его ветрами и холодом, что пронизывал до костей, но Боги Сарголы хранили его – теперь лекарь молился драконьим богам, потому что знал, что те заступятся. Два ключа всё так же журчали в страшной пещере, где Алим потерял свои крылья, а чаши стояли на своих местах. Стоило Руаму зачерпнуть воды из прозрачного ключа, как вмиг послышался сладкий голос: «Ты пришёл, чтобы обрести могущество? Я ждала тебя, Руам! Испей же…» – Нет, прелестница, – тихо произнёс он. – Отдай мне то, что забрала у моего друга! Своды пещеры дрогнули, а голос изменился, стал грозным. «Душа и крылья дракона не дёшевы, человечиш-ш-шка! Чем отплатишь за такое?» – Бери всё, что пожелаешь! – твердо ответил Руам. – Тогда заберу у тебя человеческую суть. Ты не вернёшься домой, а возьмёшь на себя долг лекаря, за чьими крыльями и душой вернулся. Отныне ты будешь жить очень долго, и Смерть не сможет забрать тебя, даже если сам этого пожелаешь! Ты станешь скитаться по миру и дарить исцеление, спасать жизни. Тело твоё станет пристанищем души, что оставил здесь твой друг! Руам улыбнулся довольно и осушил до дна. И перед тем, как эти две души стали одной, и воспоминания перемешались, он услышал в голове отзвук шёпота: «Спасибо, что спас меня, Руам!» Над белеющими вершинами парил огромный дракон. Он не был стар, но и не был молод. Он не был драконом, но не остался человеком. Он помнил то время, когда был человеком, но бережно хранил воспоминания дракона-полукровки…